

Проблема - 1990 - 27 июля - с. 5

РЕПОРТАЖ НАКАНУНЕ ЮБИЛЕЯ ПИСАТЕЛЯ

В Вешках у Шолохова

На подъезде к Вешкам меняется привычный, ровный степной пейзаж. Появляются круглые лысые бугры, пологие балки, буераки, густо заросшие терновником, лещинами с березняком и рябиной. Цветут сады, по склонам балок раскрылись степные тюльпаны — лазоревые цветы.

При въезде на новый мост через Дон открывается и сама Вешенская, окутанная сиреневой дымкой, с зеленым куполом станичной церкви. Райцентр обрастает новостройками: в сосняке обжиты десятки коттеджей — резкий контраст с традиционным казачьим жильем — квадратными куренями с балаясами, с низами, просторными базами и плетнями. Так же пестра и контрастна станичная жизнь: конь под седлом и лхой мотоциклист в ковбойке, старики в казачьих фуражках и шароварах с лампасами, пенсионеры, священник в рясе, райкомовский работник, казачьи песни и рок-музыка...

И все же одно неизменно — земля эта незримо наполнена дыханием «Тихого Дона». Оно угадывается в казачьем говоре, крутом извиве Дона, огибающем станицу, в запахе полыни и чабреца, в меловых буграх и отрожинах у станицы Базковской и хутора Громки, едва приметных курганах по Гетманскому шляху на Правобережье, в лихо закрученных усах и пшеничном чубе молодого казака, вытаскивающего лодку на берег...

А если поговорите со старыми станичниками Дмитрием Корнеевичем Кочетовым или Пелагеей Харлампиевной Ермаковой (дочерью Харлампия Ермакова — одного из прототипов Григория Мелехова), то оживут многими подробностями персонажи и эпизоды из «Тихого Дона», вспомнятся судьбы многих вешенцев, изломанные гражданской войной, и трудно будет различить, где — реальность, где — вымысел. Они славившись под пером художника.

Чувство угадывания появляется у вас еще задолго до Вешенской, в степи. Открываются знакомые пейзажи и вспоминаются щемящие строки: «Степь родимая...» Знаю многих людей, кто, прочитав «Тихий Дон», тянется в Вешенскую, чтобы поглядеть на эту землю, походить по ней, подышать этим воздухом. Вспоминаются слова Льва Толстого о том, что без миссии Ясной Поляны он не мыслит представить России и свое отношение к ней. А разве мы без Ясной Поляны, без Спасо-Лутовинова, без Константина, без Вешенской можем представить наше Отечество? В Вешенской родился один из самых трагических героев мировой литературы Григорий Мелехов, без которого неполным было бы понимание революции и гражданской войны.

Многое сместилось нынче в литературе, в науке о ней. Преосмысливается наследие классиков русских и советских. Это было и будет. Каждое новое поколение несет свои ценности. Но при этом не стоит забывать о казусах, когда классиков пытаются сбрасывать с корабля современности, а тот же пролеткульт объявляет всему миру новой эрой культуры. Нечто подобное происходит и сейчас. Унизить Пушкина, бросить тень на Маяковского, посеять сомнения вокруг Шолохова — вряд ли здесь авторы движимы интересами литературы. Скорее злоба дня довлеет над истиной. Политикой не лучшего образца пропитан воздух в литературно-критических отделах некоторых нынешних журналов. Боюсь, что их перьями водят не добрые помыслы, а не боль за дела в родном доме. Что удивительно поэтому, что весь цивилизованный мир читает и чит Шолохова, а в родном Отечестве ему по сию пору пытаются отказать в авторстве «Тихого Дона». Продолжают перебирать обветшалый, меченый молью набор «версий» и «догадок», не подкрепленных заслуживающими серьезного внимания фактами. Я знаю одного «шолохововеда», который с маниакальной настойчивостью почти два десятка лет ищет, в чем бы уличить Шолохова. И нашел! Несколько отдельных словесных совпадений у Шолохова и донского дореволюционного писателя Крюкова.

Время высвечивает новые грани личности великого художника. Публикация уже в

наши дни писем Шолохова к Сталину, переписки с Е. Г. Левицкой, воспоминания первого секретаря Вешенского райкома партии в тридцатые годы П. К. Лугового и бывшего чекиста И. С. Погорелова, которому органы НКВД поручили «физически устранить Шолохова», дают возможность многое постичь в жизни писателя. Все это еще ждет вдумчивого осмысления, исследования.

По сути своей Шолохов и сам был личностью трагической. Незаконнорожденный, до семи лет носивший другую фамилию. Судимый ревтрибуналом и приговоренный к расстрелу в юности. В 30 лет всемирная слава и беспрецедентная травля на Родине. Чего стоят одни лишь обвинения в контрреволюционности «Тихого Дона»? В 1938 году его жизнь на волоске от смерти. И в то же время он — депутат Верховного Совета СССР. В 1945 году вернулся с семьей в Вешенскую. Матери уже не было в живых — она погибла при бомбежке под развалинами собственного дома.

Старость Шолохова была омрачена далеко не гладкими отношениями с руководителями страны — Брежневым и Сусловым. И наконец, недописанный роман «Они сражались за Родину», в который он вложил много душевных мук и переживаний...

Седьмой год Вешенская без Шолохова. На улицах станицы среди житейских разговоров можно услышать: «Был бы Михаил Александрович живой...» или «Он бы порадовался...» Мерка Шолохова для земляков, как эталон. Всем памятна его депутатская работа: от водопровода и газопровода в Вешенской до экологии Азовского моря. Рукою Шолохова написаны сотни писем, ходатайств, протестов. Множество добрых дел освящено именем писателя на родной земле. И люди об этом не забыли, помнят.

Калитка в усадьбе Шолохова всегда открыта. На скромной могиле круглый год живые цветы. Государственный литературный музей-заповедник Михаила Александровича Шолохова, созданный по решению партии и правительства, принимает ежегодно десятки тысяч людей из разных концов страны и мира. Здесь малопомалу идет становление духовного центра шолоховского наследия.

Я хорошо знал первого директора музея Николая Александровича Булавина, которого Шолохов любовно называл сыном (до этого Булавин работал первым секретарем Вешенского райкома партии). Открытый, прямой, организатор божьей милостью. Было ему чуть за 50, когда встал вопрос: кому быть директором музея-заповедника? Булавин заколебался. Кончилось тем, что директором стал он. Решил так, потому что любил Шолохова. Хотел целиком посвятить себя служению — в высоком смысле этого слова — дорогому ему человеку. Булавин действительно успел многое сделать по созданию музея. Я видел его в разных ситуациях. Не так просто шло становление заповедника. Проблем оказалось много, однако не во всех кабинетах торопились идти навстречу. А планы у энтузиаста были обширные. Увы, не выдержало сердце.

Почему я об этом сейчас рассказываю? Булавин был из той славной когорты секретарей райкомов, которых Шолохов по-доброму называл районщиками. «Районщики — родной и близкий мне народ», — говорил он. Ему близки были заботы этого «владыки». Видел в районщиках истинных борцов за народное счастье. Сам ввязывался в

борьбу, когда нужна была его поддержка. Тяжело переживал ошибки партии. Проявлял мужество, когда в 1937 году в самый разгар полевых работ были вызваны в обком, а потом арестованы и брошены в тюрьму первый секретарь райкома партии Петр Кузьмич Луговой и председатель райисполкома Тихон Андреевич Логачев. Шолохов заступился за своих товарищей. Он рисковал всем, но смело пошел на этот шаг. Конечно, он вызвал неудовольствие Сталина своими ходатайствами. Тиран мог не посчитаться ни с чем. Но все же это был Шолохов. Вешенские руководители вернулись в станицу, заняли прежние должности. Говорят, в ту ночь в доме Шолохова до утра горел свет. Друзья делились о пережитом и, конечно, я уверен, строили планы на будущее. Им очень хотелось, чтобы люди жили в счастье. Они меньше всего думали о себе. Благо народа было для них самой высокой целью. Ни клевета, ни унижения, ни тюремные камеры не поколебали веры этих коммунистов в дело, которому они служили.

Мысленно возвращаясь к тем дням, к партийцам тех лет, к Шолохову, думаешь о неблагодарной роли новоявленных «демократов», которые, критикуя наше прошлое, перечеркивают жизнь и подвиг честнейших рыцарей революции, сумевших в ужасных условиях сталинского произвола создать мощную державу, с которой сегодня приходится считаться всем.

Шолохов как писатель и коммунист был неделим. Увы, многим его коллегам сейчас не хватает этой цельности. Разменивают они как мелкую монету многие из того, что всегда нам было дорого. Поэтому через край перехлестывают ныне амбициозные споры, раздирает душу зависть, уходят силы на склоки. Много нездорового появилось в наших взаимоотношениях. Ей-богу, стыдно перед Шолоховым.

...Май — месяц его рождения. Он любил этот месяц. В эти дни многолюдным прибоем гостей и жителей донских станиц снова пришел в Вешки праздник «Шолоховская весна», осветил яркими красками все окрест, наполнил людьми и набережную, где установлен бюст великого писателя. Дом-усадьба, где жил Шолохов и где отпели ему свои последние песни донские соловьи, — составная часть заповедника. Вдова писателя Мария Петровна передала дом в дар музею.

Сама она живет здесь же и сохраняет все, как было при жизни Михаила Александровича, выполняет обязанности и хозяйки, и экскурсовода, и хранителя. Она всегда рада гостям. В гостиной накрыт стол с самоваром. Студентов и колхозников, профессоров и партийных работников, солдат и государственных деятелей, иностранных гостей — всех встречает одинаково радушно, по-шолоховски. Так встречает гостей Мария Петровна и нынче и, конечно, была обрадована и тронута телеграммой Михаила Сергеевича Горбачева, который сердечно пожелал ей и ее семье в канун 85-летия Михаила Александровича доброго здоровья и плодотворной работы по сохранению и пропаганде бесценного шолоховского наследия. К этим пожеланиям присоединяются и участники праздника «Шолоховская весна», все земляки писателя.

И как бывало всегда, в эти майские дни соберутся по семейной традиции в родном доме дети Шолохова и запют старинную величальную песню «Чарочка моя, серебряная, на золоте расписанная». Величальную в день рождения Михаила Александровича Шолохова.

Василий ВОРОНОВ.
Главный редактор
журнала «Дон».

г. Ростов-на-Дону.

Фото из архива «Правды».